

На правах рукописи

ПОДЛЕСНЫХ Алена Сергеевна

**ГЕОПОЭТИКА АЛЕКСЕЯ ИВАНОВА
В КОНТЕКСТЕ ПРОЗЫ ОБ УРАЛЕ**

Специальность 10.01.01 – русская литература

АВТОРЕФЕРАТ
диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Екатеринбург 2008

Работа выполнена на кафедре журналистики
ГОУ ВПО «Пермский государственный университет»

Научный руководитель: доктор филологических наук, доцент
Абашев Владимир Васильевич

Официальные оппоненты: доктор филологических наук, профессор
Созина Елена Константиновна

кандидат филологических наук, доцент
Лапаева Наталья Борисовна

Ведущая организация: ГУ «Институт языка, литературы и истории
Коми научного центра Уральского отделения
Российской академии наук», сектор литерату-
роведения (Сыктывкар)

Защита состоится 19 марта 2008 г. в 14-00 часов на заседании диссертационного совета Д 212.286.03 по защите докторских и кандидатских диссертаций при ГОУ ВПО «Уральский государственный университет им. А. М. Горького» по адресу: 620083, г. Екатеринбург, К-83, пр. Ленина, д. 51, комн. 248.

С диссертацией можно ознакомиться в Научной библиотеке ГОУ ВПО «Уральский государственный университет им. А. М. Горького»

Автореферат разослан 19 февраля 2008 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета
доктор филологических наук,
профессор

М.А. Литовская

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Реферируемая диссертационная работа посвящена творчеству популярного современного прозаика Алексея Иванова. Дебютировав в начале нового века, к середине первого его десятилетия писатель стал одной из ведущих фигур современной литературы России¹. Литературный успех Алексея Иванова объясняется не только художественными достоинствами его прозы, связью с отечественными традициями реалистического письма, но и общественно-культурной значимостью его творчества.

При всем жанровом и тематическом многообразии в художественном творчестве Алексея Иванова присутствует (и манифестируется в его публицистических выступлениях) единая идейно-художественная стратегия: он стремится открыть России Урал как уникальную природно-географическую и культурно-историческую территорию, не раз игравшую ключевую роль в истории Отечества, вписать Урал в геопанораму русской культуры². Программный и художественно убедительный регионализм А. Иванова оказался в высшей степени востребованным. Он попал в эпицентр актуального проблемного поля поисков новой художественной (и шире – национальной, социальной, культурной) онтологии, начала и элементы которой нам видятся, в частности, в регионализме как в реализованной идее верности родной земле, корням, традиции³.

При этом Алексей Иванов сознает себя отнюдь не первооткрывателем темы. Он принимает миссию наследника большой литературной и историко-краеведческой традиции исследования Урала. Словно бы отвечая на вопрос (и одновременно завещание) Ф.М. Решетникова: «Отчего наш край молчит...?»⁴, вслед за Д.Н. Маминым-Сибиряком и П.П. Бажовым Алексей Иванов своими историческими романами и художественно-краеведческой прозой вновь возвышает голос Урала в русской литературе.

¹ Характерно, что критик Л. Данилкин в обзоре литературы за 2006 г. помещает Алексея Иванова в раздел «номенклатуры» – в один ряд с литературными мэтрами старшего поколения В. Аксеновым, Ю. Мамлеевым, Л. Улицкой, В. Сорокиным и др. За свой недолгий творческий путь писатель был отмечен множеством престижных литературных наград, в том числе премиями имени Д.Н. Мамина-Сибиряка, имени П.П. Бажова, а также премиями «Эврика!», «Старт», «Странник», «Портал», «Ясная Поляна», номинировался на премии «Национальный бестселлер», «Букер – Открытая Россия», «Большая книга». Его первый роман «Сердце Пармы» вышел в финал конкурса на соискание премии «Книга года», газетой «Книжное обозрение» был признан лучшим русским романом 2003 г. Роман «Золото бунта» на Московской книжной выставке-ярмарке был признан «Книгой года» в 2005 г.

² Закономерным и симптоматичным в этой связи выглядит анонсированный писателем замысел документального телесериала «Урал – хребет России» (сценарист А. Иванов, режиссер Л. Парфенов), съемки которого начнутся в марте 2008 г.

³ Ср.: «На протяжении десятилетия, если не больше, в критике преобладала уверенность в исчезновении ниш для новых писателей-онтологов в литературе. Появление романов "Сердце Пармы" и "Золото бунта" ставит этот тезис под сомнение» (Володихин Д. Минюя теснины / Д. Володихин // Знамя 2006. – №4. – С. 214).

⁴ «Материала у нас очень много. Наш край обилён характерами. У нас всякий, кажется, живет в особинку – чиновник, кулец, горнорабочий, крестьянин... А сколько тайн из жизни бурлаков неизвестно миру? Отчего наш край молчит, когда даже и Сибирь отзывается?» (Решетников Ф.М. Полн. собр. соч. / Ф.М. Решетников. – Свердловск, 1948. – С.269).

Проза А. Иванова фундирована целостным *геопоэтическим* образом Урала. В этом образе возможности, заложенные в художественных концепциях и картинах Урала в прозе Д.Н. Мамина-Сибиряка, Б.Л. Пастернака и, в особенности, П.П. Бажова, получили дальнейшее развитие. В своих лучших достижениях проза Алексея Иванова в существенной степени может рассматриваться как попытка синтеза уральской *геопоэтики*. Поэтому в диссертации творчество Алексея Иванова исследуется не изолированно, а в контексте прозы об Урале.

Реферируемая работа **актуальна** в двух отношениях. Своевременным, прежде всего, представляется *обращение к литературоведческому исследованию* прозы Алексея Иванова. Она стала заметным явлением современной литературы, поэтому заслуживает углубленного изучения. Конечно, А. Иванов не обделен вниманием литературной критики. О нем написаны десятки статей, преимущественно в жанре рецензий, многие из которых отмечены проницательностью анализа, тонкостью и эвристичностью наблюдений (И. Роднянская, О. Дарк, Л. Данилкин, В. Иткин, С. Кузнецов и др.). При всем разбросе мнений критики сходятся в плодотворности опоры Иванова на региональный культурно-исторический опыт, в признании его художественного почвенничества как источника обновления литературы. В этой связи далеко не частное значение имеет мысль В. Иткина, о том что Иванов дал художественное воплощение «самой значительной и перспективной в отечественной медиэвистике и этнографии идеи» – идеи «культурных гнезд». Но все же в оперативной критической литературе преобладает оценочный аспект, многое в подходах критиков определяют интересы текущей литературной борьбы. В то же время начинают появляться прецеденты литературоведческого анализа прозы и творческой стратегии А. Иванова (М.П. Абашева, М.А. Литовская, Г.М. Ребель). Выводы и наблюдения исследователей закладывают существенные предпосылки для системного изучения творчества писателя.

С другой стороны, актуальность реферируемой работы определяется избранным в диссертации *подходом к материалу* – его проблемным и методологическим ракурсом. Изучение *геопоэтики* Алексея Иванова в контексте прозы об Урале включается в рамки весьма актуальной исследовательской парадигмы – так называемого спатального анализа (*spatial analysis*). Спатальный анализ объединяет исследования того, как социальные и культурные практики влияют на пространство и, наоборот, как пространство, место влияют на человека, его самосознание, сферу символических представлений, мотивацию, поведение, деятельность. Это обширное и развивающееся проблемное поле, в котором литература как объект, благодарный для исследования, становится предметом внимания в рамках многих научных дисциплин. Интересы филологов здесь встречаются с интересами историков, географов и этнологов. Начиная с 1990-х, спровоцированные процессом федерализации, спатальные штудии переживают период бурного развития в России, найдя

здесь надежную опору в богатой отечественной традиции академического изучения связей места и культуры (в 1910-20-е гг. это И.М. Гревс, Н.П. Анциферов, Н.К. Пиксанов, в 1970-80-е гг. – Ю.М. Лотман, Н.П. Топоров, Т.В. Цивьян и др. ученые тартусско-московской семиотической школы, В.Г. Шукин), и в опыте краеведения, а теперь продолжившись в литературоведении. Каждая территория России сегодня пребывает, фигурально выражаясь, в поисках собственного лица, и гуманитарные исследования образа места и основ региональной идентичности оказываются востребованными¹. Весьма активно это направление развивается на Урале с его устойчивыми традициями регионализма². Характерно, что коллектив авторов разрабатываемой академической «Истории литературы Урала» впервые предполагает в изложении материала учесть *геопоэтический* подход, рассматривая становление *геопоэтического образа* Урала как один из векторов и интегральных результатов историко-литературного процесса. В работах В.В. Абашева, Ю.В. Клочковой, М.А. Литовской, Е.В. Милюковой, М.П. Никулиной, Л.М. Слобожаниновой, Е.К. Созиной, Е.В. Харитоновой накоплен большой аналитический материал по истории становления образа Урала в русской культуре. Реферируемая работа вписывается в это направление исследований.

Объектом исследования в диссертации стали романы Алексея Иванова «Сердце Пармы», или «Чердынь – княгиня гор»³, (2003) и «Золото бунта» (2006), а также (в целях создания возможно более широкого художественного контекста) проза об Урале – группа произведений русской литературы XIX-XXI века, объединенных местом действия как объектом изображения. Анализируются произведения Ф.М. Решетникова (очерк «Подлиповцы»), Д.Н. Мамина-Сибиряка (роман «Золото», повести, рассказы и очерки об Урале), К. Жакова (автобиографический роман «Сквозь строй жизни», рассказы, очерки, сказки и предания, вошедшие в книгу «Под шум северного ветра»), М.Н. Лебедева (историческая повесть «Последние дни Перми Великой», «Пермь Великая. Исторические очерки»), Б.Л. Пастернака (повесть «Детство Люверс»), М.А. Осоргина (роман «Свидетель истории», автобиографическое

¹ Классическая работа В.Н. Топорова о «петербургском тексте» в русской культуре инициировала в 1990-2000-е гг. обширную и продолжающуюся серию региональных исследований и создания моделей «локальных текстов» – городов и регионов: «московский текст» (Г.С. Кнабе и др.), «пермский текст» (В.В. Абашев), «карельский текст» (И.А. Разумова), «челябинский текст» (Е.В. Милюкова), «крымский текст» (А.П. Люсый), «екатеринбургский текст» (Ю.В. Клочкова, М.А. Литовская, Е.К. Созина, Е.В. Харитонов), «тюменский текст» (М.В. Прокопова, Е.Н. Эртнер и др.), «тверской текст» (М.В. Строганов), «ставропольский текст» (К.Э. Штайн), «кавказский текст» (В.И. Шульженко), «провинциальный текст» (А.Ф. Белоусов, М.В. Строганов), «венетский текст» (Н.Е. Меднис).

² Уральский регионализм стал предметом исследования и западных историков. См., например: James R. Harris. The Great Urals: Regionalism and the Evolution of the Soviet System. Ithaca and London: Cornell University Press, 1999.

³ Всероссийскому читателю этот роман известен как «Сердце Пармы» – под таким заголовком он был впервые издан в 2003 г. в Москве. В том же году в Перми вышла более полная авторская версия романа под названием «Чердынь – княгиня гор». В 2006 г. роман был переиздан в Москве с двойным названием на титульном листе «Сердце Пармы, или Чердынь – княгиня гор». В диссертации текст романа цитируется по пермскому изданию.

повествование «Времена»), П.П. Бажова (сказы), Евг.А. Федорова (трилогия «Каменный пояс»), А.П. Ромашова (исторические повести «Земля для всех», «Лесные всадники»), А.М. Домнина (историческая повесть «Поход на Югру»), Г.А. Юшкова (роман «Бива»), В.В. Тимина (историческая повесть «Мальчик из Перми Вычегодской»), Р.А. Дышаленковой (цикл рассказов «Прошальное слово о знахаре»), М. Строганова (роман «Камни господни»), О. Славниковой (роман «2017»).

Предметом исследования в реферируемой диссертации является *геопозитика* Урала¹ в прозе Алексея Иванова, рассматриваемая как результат развития и синтеза традиций изображения Урала в русской литературе.

Цель исследования – анализ *уральской геопозитики* в прозе Алексея Иванова как явления, сложного структурно и генетически.

Поставленная цель предполагает решение ряда конкретных **задач**:

- формирование корпуса текстов, актуализирующих становление геопозитического образа Урала, и их анализ;
- исследование основных тенденций развития прозы об Урале в контексте интерпретации культурно-исторического ландшафта;
- выявление основных компонентов геопозитического образа Урала в творчестве Алексея Иванова;
- анализ вербальной составляющей процесса формирования геопозитики в прозе А. Иванова.

На защиту выносятся следующие **положения**:

1) Основной тенденцией развития прозы об Урале является интенсификация геопозитической рефлексии – от ощущения красоты и своеобразности уральской природы к онтологизации ландшафта. Истоки геопозитики Урала восходят к творчеству Д.Н. Мамина-Сибиряка. Геопозитическая рефлексия усиливается в 1910-е гг. в уральских образах поэзии и прозы Б.Л. Пастернака, целостный геопозитический образ Урала окончательно складывается в 1930-е гг. в творчестве П.П. Бажова. Мотивы уральской геопозитики варьируются в произведениях Евг.А. Федорова, А.П. Ромашова, А.М. Домнина, Г.А. Юшкова, В.В. Тимина, Р.А. Дышаленковой. Высокой степени рефлексивности геопозитика Урала достигает в творчестве современных писателей О. Славниковой и А. Иванова, онтологизирующих ландшафт, интерпретирующих его как фундаментальную инстанцию человеческого бытия и истории.

2) В современной прозе об Урале отчетливо проявляется тенденция к формированию постколониального аспекта в освещении истории освоения Урала. В произведениях А. Иванова («Чердынь – княгиня гор») и Г.А. Юшкова («Бива») преодолевается москвоцентристская модель истории, процессы колонизации и христианизации Урала предстают в свете двух правд – с точки зрения цивилизации русских и языческой культуры коренных

¹ В данном случае речь идет о территории, границы которой охватывают Западный Урал, преимущественно зону среднего и северного Предуралья.

народов. Ретроспективный взгляд на литературу Урала позволяет обнаружить завязи постколониальных мотивов в прозе предшественников: К. Жакова («Сквозь строй жизни», «Под шум северного ветра»), М.Н. Лебедева («Последние дни Перми Великой»), А.П. Ромашова («Земля для всех», «Лесные всадники»).

3) В прозе А. Иванова геопозэтический образ Урала становится фундаментом основным художественного мира. Наследуя черты уральской геопоэтики Б.Л. Пастернака и П.П. Бажова, А. Иванов максимально их интенсифицирует и космизирует. Геопозэтической доминантой Урала у него становится вектор хтонических подземных глубин, задающий серию устойчивых *мотивов*: 'древнее', 'мистическое', 'потустороннее', 'могучее', 'хранящее сокровище', 'рубежное'. Этим мотивам подчиняется и описание реалий уральского ландшафта – рек, гор и пармы (леса).

4) Реализации геопозэтической доминанты прозы Алексея Иванова способствует своеобразное вербальное ее воплощение. Наиболее ярко это прослеживается в романе «Чердынь – княгиня гор», где автор практически создает особый язык, призванный утвердить уральское геопозэтическое пространство как истинно существующее. Ядро уникальной языковой системы составляет лексика, частью воспроизводимая А. Ивановым, частью им самим изобретенная. Именно лексика формирует феномен «уральского языка», предложенного писателем.

Научная новизна реферируемой диссертации определяется характером постановки проблемы: впервые проза об Урале рассматривается как объектно-тематическая общность и выделяются тенденции ее развития, связанные с процессом становления региональной *геопоэтики*. Новизна работы обусловлена и характером привлеченного материала. Ряд произведений, включая романы Алексея Иванова, ранее не подвергался литературоведческому анализу. Впервые исследуются постколониальные мотивы в прозе М.Н. Лебедева «Последние дни Перми Великой» (1917), коми писателей Г. Юшкова «Бива» (1998; опубликовано на русском языке в 2007 г.), В. Тимина «Мальчик из Перми Вычегодской» (2000; опубликовано на русском языке в 2001 г.); впервые предпринимается попытка анализа «собственно уральской лексики» в романе А. Иванова «Сердце пармы» («Чердынь – княгиня гор»).

Методологическую основу работы составляют исследования Ю.М. Лотмана, В.Н. Топорова, Т.В. Цивьян, В.Г. Щукина по семиотике географического пространства в литературе, а также (особенно в методическом плане) работы по изучению конкретных «локальных текстов» русской культуры (В.В. Абашев, М.А. Литовская, А.П. Люсый, И.А. Разумова). К методологическому обоснованию исследования привлекаются труды представителей культурной (или гуманитарной) географии, обращающихся к литературе в попытке осмыслить процессы символизации географического пространства (Д.Н. Замятин, В.Л. Каганский, О.А. Лавренова).

Проблемное поле, в котором разворачивается реферируемое исследование, сложилось сравнительно недавно, здесь соседствуют и взаимодействуют разные дисциплины и научные дискурсы. Потому в исследованиях этого рода пока нет внятно отрефлектированной единой понятийной и терминологической системы. Даже на уровне таксономии исследований встречается множество самоопределений направления: «метафизическое краеведение», «мифогеография» (И.И. Митин), «гуманитарная география», «сакральная география», «геокультурология», «геолитературоведение». В качестве базового в диссертации избрано понятие *геопозитика*. Оно привлекает прозрачностью формулируемого смысла, фиксируя момент взаимодействия и единства ландшафта (*гео*) и культурной формы (*позитика*). Под *геопозитическим образом* в работе понимается символический образ географической территории, края, региона как единого целого. Такой образ формируется, когда территория, ландшафт в своем собственном бытии становятся предметами эстетической и философской рефлексии. Возникновение *геопозитики* предполагает концептуализацию (историческую, геополитическую, антропологическую, философско-эстетическую) территории, а также выбор доминирующих черт ландшафта и их символизацию.

Теоретическое значение работы определяется тем, что в ней получают дальнейшее развитие принципы анализа и интерпретации произведений в геопозитическом аспекте. Кроме того, новое знание в области региональной геопозитики способствует более глубокому пониманию процессов развития региональной литературы. **Практическая ценность** работы состоит в том, что ее положения и выводы могут быть использованы в вузовских курсах современной русской литературы, при разработке спецкурсов по истории, культуре и литературе Урала. Материалы исследования представляют особую ценность для региональных проектов в области связей с общественностью и в сфере политики и культурного строительства.

Апробация основных положений работы состоялась в докладах, представленных на международных, всероссийских и региональных научных конференциях в Екатеринбурге, Кирове, Коломне, Красноярске, Перми, Соликамске, Сыктывкаре, Челябинске. Основные идеи диссертации изложены в 13 публикациях автора.

Структура работы обусловлена поставленными задачами и логикой исследования. Диссертация состоит из введения, двух глав, заключения и библиографического списка, включающего 291 наименование. Общий объем работы составляет 190 с.

СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **введении** обосновывается выбор темы, ее актуальность, формулируются цели и задачи предпринятого исследования, определяются методы их решения, дается краткий анализ научной литературы по теме диссертации, обосновывается научная новизна работы и описывается структура.

В **первой главе «Урал в русской литературе: современные тенденции в изображении региона»** исследуются новые тенденции развития прозы об Урале – усиление геопоэтической рефлексии и возникновение постколониальных мотивов.

Раздел 1.1. «Развитие геопоэтической рефлексии в прозе об Урале» представляет собой очерк становления уральской геопоэтики в русской литературе. Известно, что первооткрывателем уральской темы является Д.Н. Мамин-Сибиряк. Выход в свет в конце 1880-х гг. «Уральских рассказов» писателя (географическое определение в названии было для того времени необычным), ознаменовал собой начало тематизации Урала в русской литературе. Опираясь на работы И.А. Дергачева, Г.К. Щенникова, Л.М. Слобожаниновой, В.В. Блажеса и других исследователей, автор диссертации рассматривает вопрос о роли Д.Н. Мамина-Сибиряка в становлении уральской геопоэтики. Согласимся с прозвучавшим в исследовательской литературе мнением (В.В. Абашев), что, хотя в описании уральской жизни у писателя преобладают социологический и этнографический аспекты, в его прозе намечается также и вектор формирования геопоэтического образа Урала, накапливаются мотивы, которые в будущем станут основой этого образа.

В прозе Д.Н. Мамина-Сибиряка встречается немало высокохудожественных описаний уральских ландшафтов, но, как правило, они лишены символического измерения. Стоит лишь отметить, что писатель нередко подчеркивает их *уральскую* уникальность: «*летнее утро было хорошо, как оно бывает хорошо только на Урале*»¹; «*весенняя белая ночь стояла над горами, над лесом, над рекой. Такие ночи бывают только на Урале*»² и т.п. Тем не менее, ощущение уникальности уральской природы нигде не развертывается и не переходит в углубление описания до символического уровня, не вырастает до геопоэтического обобщения. Элементы геопоэтической рефлексии проявляются у Д.Н. Мамина-Сибиряка скорее в другом – в описании уральских типов. Д.Н. Мамин-Сибиряк видит уральского человека не только социологически и этнографически, но и онтологически в его неразрывной связи с ландшафтом и специфическим местным укладом жизни, определенным тем же ландшафтом.

Характерно, что нередко Д.Н. Мамин-Сибиряк в описании душевной жизни героев использует элементы *теллурического* кода. Так «угловатая пси-

¹ Мамин-Сибиряк Д.Н. Горное гнездо / Д.Н. Мамин-Сибиряк. – Екатеринбург, 2002. – С. 241.

² Мамин-Сибиряк Д.Н. Бойцы. Очерки весеннего сплава по реке Чусовой / Д.Н. Мамин-Сибиряк // Собр. соч.: в 8 т. – Пермь, 1953. – С. 480.

хология» Пепко кажется похожей на «камни, которые высились на его далекой родине. Каждая мысль Пепки точно обрастала одним из тех чужезданных, бородастых лишайников, какими в тайге глушились родные ели» («Черты из жизни Пепко»). Нередко стертый романтический фразеологизм «душевная глубина» в прозе Д.Н. Мамина-Сибиряка ассоциируется с глубиной земных недр, а тайны душевной жизни уподобляются сокровищам, золоту, скрытым в земле. В описании уральских людей Д.Н. Мамин-Сибиряк подчеркивает их особую сращенность с землей, с рудником, доменной печью, они обладают способностью чувствовать земные глубины, как рудничный мастер Ефим Андреевич, видящий «на три аршина под землей» («Три конца»). У Д.Н. Мамина-Сибиряка уже встречаются вкрапления хтонических образов в описание уральских недр: из «умирающей» шахты слышатся «подавленные хрипы, точно там, в неведомой глубине, в смертельной истоме билось какое-то чудовище» («Три конца»). Семантически перспективная фразеология в именовании Урала встречается в очерковой прозе Д.Н. Мамина-Сибиряка. Так, например, он называет Уральский хребет «геологической морщиной». В этой метафоре есть элемент парадоксальности: горы словно бы не возвышаются, а уходят вглубь земли.

Таинственная одушевленная глубина земли, недра, где спрятано сокровище, чудовищное, таящееся в подземном мраке, – все это элементы будущей геопозитики Урала, которые уже рассеяны в прозе Д.Н. Мамина-Сибиряка. Однако уральский ландшафт как действующая инстанция мироздания еще не становится у Мамина-Сибиряка объектом особой рефлексии. Его черты не фокусируются в целостный геопозитический образ Урала, хотя, опознанные в перспективе дальнейшего развития литературы, предвосхищают его.

В 1910-е гг. в связи с общим процессом онтологизации русской литературы, характерным для неореализма, наблюдается повышение интереса и к пространственно-географическому аспекту существования человека. Симптоматично, что в это же время формируется отечественная школа геокультурологии (И.М. Гревс, Н.П. Анциферов). В литературу входит плеяда писателей с окраин России, создающих символически насыщенные образы новых литературно малознакомых территорий – Сибири (В. Шишков), Поморья (А. Чапыгин). В это время совершается прорыв и в художественном освоении Урала, правда совершает его не региональный, а столичный писатель – Б.Л. Пастернак. Его поездка на Урал в 1916 г. дала впечатляющие художественные результаты, позволившие позднее М. Цветаевой констатировать: «нет Урала кроме пастернаковского Урала, как оно и есть. Ссылаюсь на всех читавших "Уральские стихи" и "Детство Люверс"». В лирических стихотворениях («Урал впервые», «Ледоход», «На пароходе», «Станция», «Рудник»), в повести «Детство Люверс» действительно сформирован целостный геопозитический образ Урала. Принципиально новый аспект этого образа состоит в том, что Урал у Б. Пастернака (как бы в предвосхищении будущей эволюции образа) увиден в космогоническом ракурсе как место творения мира («Урал

впервые», эпизод пересечения уральского хребта в повести «Детство Люверс»). В то же время геопозитический образ Урала, созданный Б. Пастернаком, не оказал заметного влияния на литературный процесс.

«Канонический» мифологизированный образ Урала, ставший известным всей России и определивший восприятие региона, создал уральский писатель – П.П. Бажов. Соглашаясь с мнением исследователей о творческой приемственности «певцов Урала» (Л.М. Слобожанинова, Е.В. Харитонова), добавим, что в сказовой прозе П.П. Бажова укрупняются черты геопозитического образа Урала, намеченные Д.Н. Маминым-Сибиряком. Словно семантически углубляя маминскую метафору об Урале – геологической морщине, П.П. Бажов «помещает» уральские горы как «*под облаками*», так и под землей, под болотом. Объяснение необычному расположению гор кроется, по П.П. Бажову, в этимологии древнего топонима: Урал в старину *Поясом земли* именовали, он «*в землю врезался*»¹. Кроме того, в поясах в давние времена «*казну держали*», может быть, поэтому на Урале (как в старинном поясе) «*богатства не счесть*». У Бажова «красота земная – под землей» (М.П. Никулина): убранство каменно-лесного царства Хозяйки Медной горы составили все сокровища Урала – медь, малахит, золото, драгоценные камни и др.

На Урале «работать в земле», «спускаться под землю» (о горнорабочем) означает «находиться внутри горы». В сказах П.П. Бажова персонажи-горняки одновременно оказываются в двух мирах: в настоящей жизни и по другую ее сторону, за гранью реального. Таким рубежом в творчестве П.П. Бажова становятся камень, гора; они связаны с потусторонним, «закаменным», загробным миром. В сказах П.П. Бажова гора раскрывается, и герои входят внутрь (сказ «Горный мастер»). Оказывающийся внутри горы герой становится связанным с нечистой силой, с царством мертвых. Такой персонаж сам воспринимается как неживой (сказ «Две ящерицы»). В работах исследователей (Н.А. Криничная, Е.Е. Приказчикова) прозвучало, что в сказовой прозе П.П. Бажова уральцы, умирая, уходят в гору, проходят *через* камень и становятся им. В мифологии гора, камень символизируют вход в нижний мир, дверь в подземное царство. В сказах П.П. Бажова проводником героя в потусторонний мир (царство мертвых) становится Хозяйка Медной горы. Путь к Хозяйке проходит через каменный лес, и оказаться в ее владениях можно только пройдя сквозь камень. В соответствии с традициями сказочной прозы, вернувшийся в мир людей Данило (сказ «Горный мастер») должен забыть все увиденное в мертвом царстве (мотив беспамятства в русском фольклоре сюжетно связан с посещением иного мира). Уральские горы в сказах П.П. Бажова становятся местом обитания хтонических существ (Великий Полоз, голубая змейка, земляная кошка с огненными ушами, медянка, ящерица и др.), признаком которых является тесный контакт с землей и миром мертвых (их функция – сопровождение людей в подземное царство Хозяйки).

¹ «Гора сплошной грядой прошла... Пояс и есть... А сколь он широк, и насколько в землю врезался, никто толком не знает» (Бажов П.П. Соч.: в 3 т / П.П. Бажов. – М., 1986. – 2 т. – С. 146).

Моделируя вслед за Д.Н. Маминым-Сибиряком образ уральской земли, П.П. Бажов делает акцент на хтонической, тайной глубине Урала. Геопоэтическая модель Урала в его творчестве может быть описана такими понятиями, как 'мистическое', 'хтоническое', 'рубежное', 'хранящее сокровище'. В сказах П.П. Бажова сформировалась целостная модель уральского геопро-странства.

Чувство места, глубину геопоэтической интуиции, способность идентифицировать себя в уральском пространстве писатели второй половины XX – начала XXI вв. унаследовали от своих предшественников – Д.Н. Мамина-Сибиряка и, в особенности, П.П. Бажова. Мотивы геопоэтики Урала обнаруживаются в прозе писателей советской эпохи.

Евг.А. Федоров в трилогии «Каменный пояс» охватывает значительный период в истории развития Урала; от внимания автора не ускользает суровая красота природы края. Евг.А. Федоров строг и лаконичен в изображении уральского ландшафта; картины природы, как и у Д.Н. Мамина-Сибиряка, вызывают ассоциации с образами хтонических существ (горное эхо напоминает рев чудовища, обитающего на каменных высях; *«ложбина между гребнями гор... черна как пасть чудовища»*).

В середине XX века возрождается интерес к культуре автохтонных народов, произведения писателей-уральцев приобретают историко-этнографическую ценность. В исторических повестях А.П. Ромашова («Земля для всех», «Лесные всадники») и А.М. Домнина («Поход на Югру») показано становление Урала во взаимосвязи двух культур – уральской и русской. Урал предстает как граница миров – языческой вселенной (*«хрустального царства мороза и лешего»*) и мира цивилизации. В художественном мире писателей происходит соединение языческого и христианского: в повести А.М. Домнина «Поход на Югру» звучит *«странная молитва»* людей, напоминающих *«колдунов или призраков»*, они молятся *«христианскому богу и водяному..., звездам и смерти»*. Так в прозе А.М. Домнина реализуется мотив рубежности уральского мира. В прозе А.П. Ромашова и А.М. Домнина создаются образы мифических существ (леший, лесные духи и др.) и хтонических животных (земляной зверь маа-мут). Заметим, что региональная геопоэтика не утрачивает теллурического характера.

Семиотическое пространство, репрезентирующее Урал, в прозе Р.А. Дышаленковой («Прощальное слово о знахаре») описывается понятиями 'мистическое', 'древнее', 'полное золота', 'подземное'. Р.А. Дышаленкова рисует Урал в традициях Д.Н. Мамина-Сибиряка и П.П. Бажова. На Урале сохранились муравьиные золотые тропы, из-под земли доносятся голоса уральских сил природы – Великого Полоза, Огневушки-поскакушки, бабки Синюшки.

Таким образом, к концу XX века складывается очевидная преемственность в выборе писателями доминирующих черт ландшафта в прозе об Ура-

ле. Тем не менее, системную картину геокультурного образа Урала после П.П. Бажова никому из прозаиков создать не удастся.

В 1980-1990-е гг. первенство в развитии геопозтики Урала переходит, скорее, к лирике. В творчестве поэтов Перми (В. Кальпиди, В. Дрожащих, В. Лаврентьев, В. Раков), Екатеринбургa (Б. Рыжий, Ю. Казарин) и Челябинска (В. Кальпиди) основные черты уральской геопозтики (вектор глубины, хтонизм, рубежность) проецируются на городское пространство и впервые формируются урбанистические варианты геопозтики Урала. В этот же период, преимущественно в 1990-е гг., оживает уральское краеведение. От преимущественно фактографических описаний оно обращается к масштабным обобщениям историко-философского и натурфилософского характера о цивилизационной, ландшафтно-географической и геокосмической уникальности Урала. Характерны для этого периода обращение к идее «горнозаводской цивилизации» П.С. Богословского, возрождение интереса к творчеству П.П. Бажова (В.В. Блажес, Д.В. Жердев, Н.А. Криничная, М.А. Литовская, Е.Е. Приказчикова, Л.М. Слобожанинова, Е.В. Харитоновна, Н.А. Швабауэр), распространение мистических интерпретаций Урала (движение «бажовцев»). Перечисленные феномены культурной жизни ярко свидетельствуют о повышении уровня геопозтической рефлексии в поисках новой территориальной идентичности. В атмосфере этих поисков вызревали зерна новых масштабных художественных обобщений, которые и дали свой плод в прозе А. Иванова и, позднее, О. Славниковой.

Герои романа О. Славниковой «2017» – рифейцы (уральцы) – не утратили контактов с древней языческой вселенной: каждый, кто рожден в Рифейских местах, постоянно пребывает в мире горных духов. Как и созданное П.П. Бажовым уральское пространство, рифейский мир О. Славниковой полон мистических обитателей (Великий Полоз, Каменная девка, Пляшущая Огнёвка). Будучи представителем потусторонних сил, Хозяйка Горы в романе «2017» становится проводником героя в свой мир. Другим медиатором между двумя мирами (реальной жизнью героя и иным, тайным, недоступным для персонажа романа, Ивана Крылова, миром) в романе становятся камни – уральские самоцветы. Гора, камень, мастер, хитник, Хозяйка Медной горы, тайная сила, символически "прирученная" П. Бажовым, – вот, с точки зрения исследователя М.А. Литовской, важнейшие координаты уральского мира в творчестве О. Славниковой.

В разделе 1.2. «Возникновение постколониальных мотивов в прозе об Урале» исследуется формирование постколониального дискурса в литературе об Урале начала XX века – в творчестве М.Н. Лебедева («Последние дни Перми Великой»), коми писателя К. Жакова (в его русскоязычных произведениях «Сквозь строй жизни», «Под шум северного ветра»); в начале 1960-х гг. в исторических повестях А.П. Ромашова («Земля для всех», «Лесные всадники») и А.М. Домнина («Поход на Югру»); в переведенной на русский язык прозе коми писателей рубежа XX-XXI вв. В.В. Тимина («Мальчик из

Перми Вычегодской») и Г.А. Юшкова («Бива»); в творчестве А. Иванова («Чердынъ – княгиня гор»). Расцвет постколониального дискурса в мировой культуре зарубежные исследователи связывают с ростом национально-освободительного движения в колониальных государствах в XX в. (Э. Саид, Х. Бхабха и др.). В 1990–2000-е гг. в русской культуре и, в частности, в русской литературе наметилась проблема поиска региональной самоидентификации, зазвучал вопрос о формировании постколониального сознания народов. И если в зарубежных странах под термином «постколониальная литература» понимается художественное творчество выходцев из колонизованных стран (Brians 1997), то на русской почве этот термин приобрел иное значение и связывается с именами российских писателей, что объясняется центростремительным характером русской колонизации¹.

Понятно, что в русской литературе об Урале зачатки постколониальных настроений впервые обнаруживаются в творчестве потомков коренных народов Урала. В начале XX в. коми писатели К. Жаков и М.Н. Лебедев заостряют внимание на проблеме крещения финно-угорского населения на Урале. Так, в прозе К. Жакова массовое самопогребение коми-зырян² рассматривается как результат проникновения христианского учения на Урал в XV в.

Тема христианизации коренных уральских народов занимает важное место в литературе об Урале (в прозе К. Жакова, М.Н. Лебедева, А. Иванова, В.В. Тимина, Г.А. Юшкова), поскольку освоение русскими уральского региона в XIV-XV вв. сопровождалось крещением местного населения. Христианизация финно-угров Урала влекла за собой неизбежное подавление материальной и духовной культуры малых этносов, ассимиляцию коренных народов русскими – все это облегчало возможность колонизации территории.

В исторической повести М.Н. Лебедева «Последние дни Перми Великой» персонажи-автохтоны (остяки, самоеды, вогулы, татары, башкиры и, главным образом, зыряне и пермяки) именуют уральскую землю «пермской страной». Так население Перми Великой стремится обозначить свою географическую изолированность и самостоятельность, с одной стороны, и культурную «особость» – с другой. Желание уральцев подчеркнуть свою независимость обострено нарастающей угрозой полной колонизации уральской земли русскими, которых привлекают природные богатства Урала и которые несут новую религию. В повести М.Н. Лебедева представлена и традиционная (цивилизационная) точка зрения на характер освоения уральских земель. Ее воплощение связывается автором с князем Федором Давыдовичем Пестрым, под руководством которого царь Иоанн отправляет в Пермь Великую дружину. Ему противостоит князь Микал, прозревающий в распространении

¹ «Россия колонизовала саму себя, осваивала собственный народ» (Эткинд А. Русская литература, XIX век: Роман внутренней колонизации / А. Эткинд // Новое литературное обозрение, 2003. – №59. – С. 103–125).

² «Чудь сама себя хоронила в землю, не желая принять христианство. Она рыла огромные ямы в земле, наверху их устраивала деревянную крышу, заваленную землею. <...> Смерть была им слаще, чем морозы» (Жаков К.Ф. Под шум северного ветра: рассказы, очерки, сказки и предания / К.Ф. Жаков. – Сыктывкар, 1990. – С. 331).

христианства угрозу для пермских людей. Но Пермь Великая пала, и зырянский народ навсегда утратил свою самостоятельность.

На страницах исторических повестей «Земля для всех» и «Лесные всадники» А.П. Ромашов заостряет проблему столкновения языческого и христианского миров. Через всю повесть «Земля для всех» проходит мотив теологического спора между коренными жителями и пришлыми русскими. Уральским миром правит Нуми-Торум; местные жители – лесные люди – находятся под влиянием стереотипов языческого мировидения. В свою очередь, русские христиане оспаривают существование языческих богов. Мысль, заложенная в названии повести, является разрешением спора о вере. «*Боги у нас разные, а жизнь одна*», – подытоживает герой повести Кондратий Рус. Постепенно герой начинает понимать древние смыслы уральского мира, и когда Рус «*собрался... молодую березу рубить..., замахнулся, взглянул ненароком на зеленую и опустил топор. Да и как не опустишь, если стоит перед тобой береза, дрожит вся, будто боится...*».

Современные писатели – А. Иванов («Чердынь – княгиня гор»), В.В. Тимин («Мальчик из Перми Вычегодской») и Г.А. Юшков («Бива») – также подчеркивают различие менталитетов местных жителей (коми-пермяков и манси) и русских колонизаторов с проповедниками христианской религии. Цивилизационный контраст коренных народов Урала и русских заключается главным образом в том, что в русском менталитете преобладают такие понятия, как «время» и «несвобода воли», а в уральском – «вечность» и «судьба».

В творчестве В.В. Тимина, А. Иванова и Г.А. Юшкова предлагаются две точки зрения на историю освоения русскими уральских земель: интерпретация освоения русскими Урала с позиции коренных уральцев и традиционный взгляд. С одной стороны, в прозе об Урале выявляются антихристианские настроения коренных народов, с другой – уральцы сохраняют «двоеверие»: они молятся и Христу, и своим языческим богам. Заметим, что в постколониальной литературе образы крестителей Урала (Стефана Пермского, Ионы, Питирима), веками оберегаемые церковью, значительно блекнут.

В современной прозе об Урале указываются причины насильственной христианизации уральцев. Мысль о причине крещения Урала звучит из уст отдельных персонажей. Герой повести В.В. Тимина «Мальчик из Перми Вычегодской» Тикэ считает, что «*под именем одного Бога легче собирать народы. И присоединять к своим чужие земли*». Точка зрения А. Иванова, пожалуй, сосредоточена в словах вогульского князя Асыки: «*Можно мириться с набегами врагов, но нельзя мириться с их богами. Враги приносят к нам свои мечи, а москвиты принесут нам своего бога. Мечи мы сможем отбить, а с богами человеку никогда не справиться. Если мы покоримся богу москвитов, то у нас уже не будет ни родных имен, ни песен, ни памяти – ничего*» («Чердынь – княгиня гор»).

Уничтожение коми святынь становится символом краха уральской языческой вселенной. В прозе А. Иванова погибает Прокудливая Береза – обитель богов, предмет поклонения Перми, в романе Г. Юшкова сгорает деревянный шестиугольный шар – знак независимости коми.

Итак, феномен постколониализма, характерный для современной культуры, проявляет себя и в уральской литературе. Писатели пытаются по-новому взглянуть на историю освоения Урала: с позиций коми-пермяков, зырян, остяков, вогулов. Так формируется принципиально иной взгляд на историю Урала и, что самое важное для нас, принципиально иная художественная модель, по-новому явленная картина мира. Квинтэссенцией этого нового понимания геопоэтики Урала стало, на наш взгляд, творчество Алексея Иванова, в произведениях которого геопоэтическая картина Урала достигает определенной полноты, поскольку в художественном мире писателя осваиваются культурные установки коренных народов Урала.

Вторая глава диссертации «Геопоэтика Урала в прозе Алексея Иванова» рассматривает образы пармы (леса), горы (скалы, камня, пещеры), реки (главным образом Камы и Чусовой) как составляющих уральского ландшафта.

Раздел 2.1. «Поэтика уральских рек» посвящен образу реки в прозе А. Иванова (романы «Чердынь – княгиня гор» и «Золото бунта»), который детерминирован как художественным контекстом (произведения писателей Е.А. Вердеревского, Ф.М. Решетникова, Д.Н. Мамина-Сибиряка, М.А. Осоргина, М. Горького, Евг.А. Федорова, А.П. Ромашова, А.М. Домнина, художников П.П. Верещагина, И.И. Шишкина, А.М. Васнецова, В.В. Мешкова), так и научно-публицистическим (труды гидрологов, топонимистов, полевые записи фольклористов, записки путешественников и др.). В прозе А. Иванова помимо традиционных – мифологических, фольклорных, литературных – значений реки в русской культуре (река как символ вечного движения и забвения, преходящей и постоянно возобновляющейся жизни, очищения и освобождения) просматриваются характерные черты уральских рек, сложившиеся в прозе Д.Н. Мамина-Сибиряка, М.А. Осоргина, Евг.А. Федорова, А.П. Ромашова. Река открывается «и вдаль, и вширь, и непременно вглубь» (М.А. Осоргин). В художественном мире Алексея Иванова река напрямую связывается с идеей пространства и времени («Сверкающая дорога Камы уносила к луне», «Брошенные идола утекали вместе с рекой куда-то в неизведанную даль»), она «переживается изнутри как обступающая, неотвратимая, ...как сама судьба» (М.Н. Эпштейн).

Образ Камы в романе А. Иванова «Чердынь – княгиня гор» предстает как рубеж реального и потустороннего, верхнего и нижнего. Автор открыто апеллирует к языческим верованиям местных народов. А. Иванов населяет Каму хтоническими существами. Так, например, ящер Гондыр, несомненно, связан с традициями пермского звериного стиля. В мифологии финно-угорских народов гондыр (гундыр) обитает под водой, под землей, в горе.

Хтоническая семантика, возможно, повлияла на цветовую символику реки в романе. Вопреки наиболее распространенной гипотезе об этимологии гидронима Кама (хантыйское *кам* 'прозрачный, чистый', отсюда Кама 'прозрачная, светлая', 'белая река'), в многочисленных речных пейзажах А. Иванов использует оттенки синего цвета. Исследователи (Н.Б. Бахилина, В.В. Бычков) не раз отмечали, что наряду с черным синим цвет в народной культуре – цвет нижнего мира. Именно посредством синего река у А. Иванова наделяется семантикой нечистого, потустороннего, мертвого. В целом Кама в исследуемом романе являет собой своего рода метаобраз (Д. Замятин), концентрирующий различные временные и культурные срезы.

Центром художественного мира в романе «Золото бунта» и в книге «Message: Чусовая» также становится река. Хронотоп реки Чусовой в романе организует сюжетно-композиционное построение самого повествования, в то время как в книге «Message: Чусовая» повествование подчинено логике травелога. Здесь А. Иванов выступает продолжателем традиций первопроходцев темы Чусовой (Ф.М. Решетников в «Подлиповцах», Д.Н. Мамин-Сибиряк в очерках «В камнях» и «Бойцы»), придавая реке особый символический смысл: «Чусовая – река легендарная. Возможно, в России из всех уральских рек только Чусовую и знают. Чусовая рассказала России о таинственной иконографии "Пермского звериного стиля", о страстной мольбе деревянных Христов, о прозрениях святого Трифона Вятского, о дерзаниях Строгановых и железной хватке Демидовых, о волшебной "Малахитовой шкатулке" и горьком опыте "узников совести"...».

В романе «Золото бунта» представлен целый ряд мифопоэтических смыслов Чусовой, имеющей, как и все живое, антонимическую природу. С одной стороны, воды Чусовой воспринимаются как первородная водная стихия, как животворное материнское лоно. В ее образе обнаруживается традиционное значение реки как символа очищения и возобновляющей жизни – вода Чусовой способна «*тело и душу омыть*», «*смыть с души все припарки, все коросты*». С другой стороны, Чусовая приобретает в романе смертоносный характер – она «*живой народ венчает с холодной смертью*».

В описании Чусовой возникает мотив переправы через реку смерти, с «другого берега» которой нет обратного пути (а если кто-то «*возвернется – ...звери зверьем явятся или ума решатся*»). Таким образом, Чусовая у А. Иванова (как и Кама, как, впрочем, и вообще – река) оказывается границей между реальным и потусторонним мирами, а ее «*оборотная сторона – бесо-ва сторона божьего мира*». Река соединяет верхний (сакральные скалы) и нижний (черты и бесы) миры. В целом образ Чусовой наполнен семантикой тайны и недоступного богатства¹.

А. Иванов персонифицирует Чусовую и эротизирует ее образ. Чусовая наделяется женскими чертами («*бабий изгиб*»), манерой поведения («*ласти-*

¹ «*Есть и песок золотой, и жемчуга, и горячая земная смола, и самородные камни... Только все это недоступно. Река тайная...*» (Иванов А. Чердынь – княгиня гор. – Пермь, 2003. – С. 391).

лась о белую скалу»). Герою романа Осташе Переходу Чусовая является как невеста, жена, спутница («никого, кроме Чусовой, он уже не полюбит»).

Символические коннотации образа Чусовой можно обнаружить еще в творчестве Д.Н. Мамина-Сибиряка. Так, писатель включает в очерк «Бойцы» историко-геологический пассаж о происхождении реки. Рассматривая «автобиографию земли», Д.Н. Мамин-Сибиряк акцентирует подземное происхождение Чусовой, вышедшей «из толици осадочных нептунических пород». Элементы геопэтики уральских рек (хтоническая природа речного ландшафта, воплощенная в реке древняя первозданная стихия), рассеянные в прозе Д.Н. Мамина-Сибиряка, объединяются в творчестве А. Иванова в целостный геопэтический образ.

В разделе 2.2. «Пэтика пармы» анализируется представленная в прозе А. Иванова стихия леса – пармы (из коми-пермяцкого языка ‘густой девственный лес’). Как и реки, парма на страницах прозы А. Иванова персонифицирована: она «смотрит в спины пришельцев» и представляется им «не то зверем, не то вогульским богом, не то лесным чудищем»; «каждой еловой иголкой целит... в сердце чужаку».

Урал предстает перед русскими героями А. Иванова бескрайней дикой пармой: под воздействием этого ощущения бескрайности «все прочее сжимается, мельчает, теряет смысл». На ландшафте пармы открыт «весь мир от неба до пекла: яркое зимнее солнце, ледяные реки, снежный лес, узловатые корни деревьев и трав, спящие под снегами медведи, немая толица земли, сначала – плодородной, потом – мертвой...». Это место, где открывается смысл бытия; здесь проявляет себя его двойственная, противоречивая природа. Так в романе возникает два мотива: безграничности пармы и ее предельности, рубежности. Уральская парма изображается как окраина христианского мира, как земля, за гранью которой прекращается божий промысел и властвуют потусторонние силы (здесь «самый край божьего мира, а дальше – одни демоны творенья»).

Из уральской земли пармы, как пишет А. Иванов, «демоны лезут наружу, прорастают болванами». Уральские боги хтоничны: «Наши боги рождены нашей судьбой, нашей землей», – говорит князь Асыка, герой «Чердыни – княгини гор». И коренные жители Урала, как кажется пришельцам, тоже «по пояс из земли торчат. Души у них демонские каменные». Русские пришельцы воспринимают автохтонов как людей, вышедших из глубоких недр и на всю жизнь сохранивших особую укорененность в них, близость к земным недрам.

Коренные жители Урала, «странные, так и не понятые, навечно чужие люди с нерусскими лицами и глазами, люди в одеждах из шкур, похожие на зверей или оборотней», оказываются в прозе А. Иванова носителями особого древнего духа, которым наполнена парма. Люди леса подобны потусторонним существам – они мрачные, нелюдимые, таинственные, вызывающие тревогу и страх.

Бескрайняя и предельная парма, населенная хтоническими существами, к которым оказываются отнесены и ее «лесные люди», является важным звеном в создании геопозитического образа Урала.

Раздел 2.3. «Поэтика горного ландшафта» посвящен анализу таких составляющих геопозитического образа уральской земли в прозе А. Иванова, как горы, скалы, камни и пещеры.

В русской культуре, как известно, прежде всего в «кавказском тексте», горы воплощают представление о духовной высоте, выступают символом вечности и близости к абсолюту. В произведениях Д.Н. Мамина-Сибиряка, Б.Л. Пастернака, П.П. Бажова сложились свои традиции в изображении горного ландшафта: в прозе об Урале, как отмечалось в первой главе, доминирует вектор глубины.

В прозе А. Иванова горы, разрушаясь, переворачиваются и уходят в недра земли – туда, откуда они вышли миллионы лет назад (обваливающаяся горная пещера растворяется *«в копошащихся земляных глыбах, ... в земляном болоте»*). Хтоническая природа Урала акцентируется А. Ивановым во всех анализируемых произведениях. Так, одни горы (скалы) оказались на поверхности земли благодаря уральским рекам, вытолкнувшим горы наружу еще в доисторическую эпоху. Другие горы своим происхождением обязаны тайной мощи уральских глубин, которая вытеснила земные пласты и заставила их замереть, приняв каменные очертания. Например, в романе «Чердынь...» гора Мертвая Парма предстает как живой организм, как важнейшая его часть, как сама древняя земля: Мертвая Парма поднимается над поверхностью уральского ландшафта как *«глыба подземной тишины»*, она *«словно мускул огромного сердца земли, которое обнажилось из-под почвы и медленно бьется вместе с высоким ходом судеб...»*.

Скалы и горные вершины в прозе об Урале приобретают сакральный смысл. И если в очерке Д.Н. Мамина-Сибиряка «Бойцы» первозданные скалы сооружены таинственным создателем, то в творчестве А. Иванова вершины гор сами предстают как оккультное место: именно здесь устанавливают капища и молятся древним языческим богам коренные народы в романе «Чердынь...». Свои «священные уста» есть у каждого уральского народа: Мертвая Парма у коми-пермяков, Пуррамонтур у коми-зырян, Ялпынг у манси, Лонготьюган у хантов, Хэбидя-Пэдара у ненцев. Благодаря своим горам уральцы получают вести от богов. Гора в прозе А. Иванова – это *«одновременно и гора, и предок, и бог, и идол...»*.

В творчестве А. Иванова воплощается традиционная для многих культур бинарность образа горы. В оппозиции верх-низ предпочтение отдается верху, возвышенным местам, которые почитаются святыми, в отличие от низа, считающегося нечистым (Вяч. Вс. Иванов, В.Н. Топоров). Горы (скалы, пещеры) оказываются связанными с темными силами: они выступают как пособники зла. Горы (скалы) воспринимаются как «место обитания» нечистой силы. У подножий гор обитают духи, ведьмы; в горах, *«если забывает путь назад,*

кружит смерть». С горами, скалами и пещерами, как с прибежищем потустороннего, связаны темные боги («из жерла огромной пещеры несетя стылое дыхание Омоля»). Формы и очертания камней в романе А. Иванова «Золота бунта» вызывают ассоциации с обликом нечисти (скалы-бойцы напоминают огромных бесов, оживших мертвецов, старых ведьм). Со скалами-бойцами связаны и мистические и хтонические существа, которые строят скалы (черти), прокладывают под землей норы и пещеры (маммуты), обитают в них (ведьмы). Скала отнимает души у персонажей романа «Золота бунта» и поглощает их.

В мифологической традиции пещера (скала, гора) противостоит миру как невидимое видимому, темное светлomu. Пещера всегда находится на границе между реальным и потусторонним, символизирует ворота, дверь, вход в преисподнюю. Вслед за П.П. Бажовым А. Иванов создает образ пещеры, символизирующей рубеж между реальным и потусторонним мирами, тайный вход под землю, в нижний мир. В пещере (внутри горы) герои А. Иванова чувствуют себя «*заживо захороненными*», порой персонажи исчезают в горе, навсегда покидая земной мир. Одновременно пещера у А. Иванова – жилище для существ хтонического типа (для бесов, чертей, чудищ, чусовских ведьм, вогульской великанши – ведьмы-яги, старшего Мамонта).

Геопозитической доминантой в творчестве Алексея Иванова становится вектор хтонических подземных глубин, задающий серию устойчивых мотивов: 'древнее', 'мистическое', 'потустороннее', 'рубежное', 'могучее', 'хранящее сокровище'.

В разделе 2.4. «"Уральский язык" Алексея Иванова» исследуется языковая специфика¹ романа «Чердынъ – княгиня гор», в котором писатель осуществил «лингвистическую мистификацию», предложив читателю свой вариант средневековой уральской речи. Справедливо полагая, что одним из доказательств истинного существования уральского геопозитического пространства является собственный языковой код его обитателей, А.Иванов, по сути дела, создает весьма правдоподобный язык, на котором не только говорят персонажи романа, но и ведется авторское повествование. При этом сконструированные слова и выражения соседствуют в романе с реальными языковыми фактами. Элементы языкового творчества А. Иванова обнаруживаются на всех уровнях организации текста: в области фонетики, лексики, морфологии и синтаксиса.

Так, автор предлагает огласовку русских слов в речи персонажей коми-пермяков (*кнеса* 'князь'), используя и коми-пермяцкие заимствования (*рбччиз* 'русский'), встречающиеся в речи как коми-пермяков, так и остяков и вогулов. Окказиональное словоупотребление А. Иванова выражается в нестандартном использовании русских и заимствованных языковых единиц, дости-

¹ Предлагаемый анализ не претендует на исчерпанность, поскольку представляет собой лишь первую попытку, первый подход к изучению такого сложного и многоаспектного явления, как вербальная составляющая процесса создания геопозитического образа Урала в творчестве А.Иванова.

гаемое нетрадиционной сочетаемостью морфем. К словообразовательным окказионализмам относится, например, лексема *храмодел* 'создатель храмов'. В тексте романа «Чердынь...» встречается авторское новообразование *хумляльт*¹, состоящее из двух иноязычных корневых морфем. Одна из них, мансийская, -хум- 'мужчина', другая заимствована из одного из угорских языков (-лилт-/-лылт-; -лил-/-лел-/-лул-: манс. *лилтыл* 'дыхание', *лилтункве* 'дышать', *лылытӓл* 'мертвый, неодушевленный'; хант. *лил* 'душа', *лельте* 'дыхание', *лил* 'дух'; венг. *lelek* 'душа', 'совесть', 'мужество, дух') и используется в ключевом значении 'дух; мертвый, неодушевленный'. Таким образом, окказионализм *хумляльт* получает значение 'человек-дух'. Для текстов А. Иванова характерно использование синтаксически не оформленных, лишенных логической связи коми-пермяцких слов и фраз, объединенных в предложение («*Ротыны сер Кама! – в сердцах бормотал Ничейка. – Рувадува...*»). Невозможность их перевода на русский язык была подтверждена нашими информантами – носителями коми-пермяцкого языка. А. Иванов допускает множество неточностей при обращении к финно-угорскому языковому потенциалу (как к лексемам, так и к отдельным морфемам): очевидно, автор не ставит перед собой цели с точностью воспроизвести язык этносов Урала. Создавая атмосферу особого уральского мира со своим странным и непонятным языком, А.Иванов подчеркивает ощущение его непостижимости и таинственности.

Ведущим средством языковой организации геопоэтического пространства в романе выступает лексика. Результаты анализа лексической составляющей представлены в разделе в виде небольших лингвистических этюдов, в которых рассмотрены этимология, семантика и особенности функционирования в художественной ткани произведения отдельных диалектизм, архаизмов, историзмов, этнографизмов, экзотизмов. Используемые на страницах произведения не характерные для современного русского литературного языка устаревшие слова и сочетания слов (*живота лишиться* 'умереть', *морováя язва* 'чума', *ратник* 'воин', *тать* 'вор, грабитель', *армяк* 'старинная крестьянская верхняя мужская одежда', *ушкуйник* 'новгородский разбойник, промышленяющий набегами и торговым промыслом на Волге и Каме' и мн. др.) организуют архаическое пространство текста.

Рассмотренные в работе диалектизмы (*гайтӓн* 'шнурок или тесемка, к которой прикрепляется нательный крест', *курья* 'узкий залив, боковой рукав реки' и др.), этнографизмы (*нарты* 'узкие и длинные санки с деревянным настилом для езды на собаках и оленях', *лабаз* 'охотничья кладовка в лесу', *малища* 'глухая мужская одежда из оленьих шкур, мехом внутрь', *ровдуга* – 'замша из шкуры оленя', *чувал* 'вид камина из жердей, обмазанных глиной' и др.) и экзотизмы (*керку* 'дом, изба', *чипсан* 'дудка', *павыл* 'деревня', *ляххӓл*

¹ «Хумляльт, – понял пам. – Князь Асыка – хумляльт. Человек, идущий навстречу. Человек призванный, человек одержимый. Князь Асыка, убивший отца, живущий без старости, изгнавший жену-ламию, – хумляльт... У хумляльта нет ни одной души» (Иванов А. Чердынь – княгиня гор / А. Иванов. – Пермь, 2003. – С. 10).

‘весть’, *иттарма* ‘кукла – заместитель покойного’ и др.) подчеркивают инакость, особость уральского мира, для которого характерна самобытная этническая среда. Писатель упоминает на страницах романа древние, ныне исчезнувшие топонимы (*Кужмангорт* ‘заброшенное, покинутое жилье’), предлагает ойконимы-неологизмы (*Балбанкар* ‘город идолов’).

Язык романа, предлагаемый А.Ивановым в качестве некоего «уральского языка», не только (и даже не столько) выступает средством создания мифопоэтики, сколько сам становится частью этого мифа, частью Урала. Взяв на вооружение языковые ресурсы русского языка в его историческом развитии и практически всей финно-угорской языковой группы, А. Иванов создает уникальный геопоэтический образ, который вместе с тем оказывается органично вписанным в традицию прозы об Урале.

В **заключении** обобщаются тенденции развития прозы об Урале в геопоэтическом аспекте, приводятся основные выводы о геопоэтической доминанте Урала в прозе А. Иванова, формулируются перспективы изучения геопоэтики как таковой, намечаются пути дальнейшего исследования прозы об Урале.

Основные положения диссертации отражены в следующих работах:

*Статья, опубликованная в рецензируемом научном журнале,
рекомендованном ВАК:*

1. *Подлесных, А.С.* Постколониальные тенденции в уральском историческом романе (А. Иванов «Чердынь – княгиня гор», Г. Юшков «Бива») / А.С. Подлесных // Изв. Урал. гос. ун-та. Сер. 2, Гуманитар. науки. – 2007. – № 52, вып. 14. – С. 231-235.

Другие публикации:

2. *Подлесных, А.С.* Языковая специфика романа Алексея Иванова «Чердынь – княгиня гор» (о диалектных вкраплениях в художественную ткань романа) / А.С. Подлесных // Филологический анализ текста: материалы межвуз. науч.-практ. конф. – Коломна: изд-во КГПИ, 2006. – С. 114-119.

3. *Подлесных, А.С.* Звучит ли в павыле чипсан для иттарма (к вопросу о языковых особенностях романа А. Иванова «Чердынь – княгиня гор») / А.С. Подлесных // Литературное краеведение Прикамья: материалы науч.-практ. конф. / Сост. Т. И. Быстрых; Пермская гос. краевая универс. б-ка им. А. М. Горького. – Пермь: ООО «Стелла Плюс», 2006. – С. 87-92.

4. *Подлесных, А.С.* Кама в художественном пространстве романа А. Иванова «Чердынь – княгиня гор» / А.С. Подлесных // Литература Урала: проблема региональной идентичности и развитие художественной традиции: сб. ст. – Екатеринбург: УрО РАН; Издательский дом «Союз писателей», 2006. – Вып. 2. – С. 76-81.

5. *Подлесных, А.С.* И горты, и керку в павыле стоят (к вопросу об особенностях языка романа А. Иванова «Чердынь – княгиня гор») / А.С. Подлесных // Проблемы филологии и преподавания филологических дисциплин: материалы отчетных конф. преподавателей, аспирантов, молодых ученых и студентов. – Пермь: Изд-во Перм. ун-та, 2006. – С. 238-240.

6. *Подлесных, А.С.* Языковая специфика романа А. Иванова «Чердынь – княгиня гор». Архаичные нити в художественной ткани романа // А.С. Подлесных / Лингвистические и эстетические аспекты анализа текста и речи: материалы VI Всерос. (с междунар. участием) науч. конф. – Соликамск: Изд-во СГПИ, 2006. – С. 144-146.

7. *Подлесных, А.С.* Индивидуальные элементы в художественной речи А. Иванова (на примере языка романа «Чердынь – княгиня гор») / А.С. Подлесных // Дергачевские чтения – 2006. Русская литература: национальное развитие и региональные особенности: материалы Междунар. науч. конф. – Екатеринбург: УрО РАН; Издательский дом «Союз писателей», – Екатеринбург, 2006. – Т. 2. – С. 178-182.

8. *Подлесных, А.С.* Средневековая Парма: средоточие культур, традиций и языков (на материале романа А. Иванова «Чердынь – княгиня гор») / А.С. Подлесных // Духовная культура финно-угорских народов России: материалы Всерос. науч. конф. / Отв. Ред. Канева Т.С. – Сыктывкар: ООО «Издательство «Кола», 2007. – С. 172-176.

9. *Подлесных, А.С.* Образ скалы Разбойник в романе А. Иванова «Золото бунта» / А.С. Подлесных // Литература в контексте современности: материалы III Междунар. науч.-метод. конф. – Челябинск: Изд-во ЧГПУ, 2007. – С. 229-231.
10. *Подлесных, А.С.* Чусовая в плену у бойцов (на материале романа А.Иванова «Золото бунта») / А.С. Подлесных // Современная русская литература: проблемы изучения и преподавания: материалы Междунар. науч.-практ. конф. / Отв. ред М.П. Абашева; Перм. гос. пед. ун-т: в 2 ч. – Пермь: ред.-изд. отд. ПГПУ, 2007. – Ч. 2. – С. 235-241.
11. *Подлесных, А.С.* Языковая специфика романа А. Иванова «Чердынь – княгиня гор». Этнографическая лексика / А.С. Подлесных // Русский человек на изломе эпох в отечественной литературе: материалы лит.-образоват. форума. – Киров: изд-во ВятГГУ, 2007. – С. 192-195.
12. *Подлесных, А.С.* Спор Камы и Волги о первенстве (на материале уральской прозы) / А.С. Подлесных // Общественная и культурная жизнь Пермского края: история и современность: материалы 10-х Смышляевских краевед. чтений / сост. Т. И. Быстрых; Пермская гос. краевая универс. б-ка им. А. М. Горького. – Пермь: ООО «Стелла Плюс», 2007. – С. 20-22.
13. *Подлесных, А.С.* Образ уральской земли в сказах П.П. Бажова / А.С. Подлесных // Современная филология: актуальные проблемы, теория и практика: материалы II Междунар. науч. конф. / гл. ред. К.В. Анисимов; Ин-т естественных и гуманитарных наук Сибирского федерального ун-та. – Красноярск, 2007. – С. 322-326.

Подписано в печать 14.02.2008. Формат 60×84 1/16.
Бум.офсетная. Печать на ризографе.
Усл. Печ.л.1.
Тираж 100 экз. Заказ